

Пуля Юля

колесо обозрения

— А бразильцы?
— Они больше поддерживали. Даже можно сказать, что точно поддерживали.
— Американцы?
— Меня удивляло, что они отводят взгляды. Это они в основном отводили взгляды. Я понимаю: пресса еще так накалила эту историю...

— Но не на пустом же месте в конце концов.

— Да, но у многих были разные истории... И ладно, первый случай (употребления допинга.— А. К.) Но мой второй!

— Это с мeldonium.

— Да. Я узнала об этом от своего агента. И я не пила его, когда его запретили, потому что мой агент сказала мне об этом. Я пила его в последний раз в декабре. Это самые безвредные витамины, которые только могут быть! Они были у нас всегда. И дети его тоже принимали...

— Мeldonium у вас как хлеб шел...

— Вроде того... И никто не знал, сколько времени он выводится из организма. И до сих пор никто не знает, сколько именно! И когда меня известили, что я подлежу дисквалификации, я подумала: ну это же невозможно, я пила его несколько месяцев назад, а на этикетке написано, что два дня выводится...
— Не верьте этикеткам!

— Я понимаю, но когда WADA запрещает какие-нибудь витамины, оно тоже должно знать, сколько это выводится, и оно должно провести исследование и должно сообщить об этом... Чья это вина? И вот я приехала на Олимпиаду, и на меня спускают всех собак, и Россия плохая, и хуже некуда... Хотя тут, на Олимпиаде, много атлетов, у которых и по одному случаю есть, и по два... Хотя меня вот по второму случаю полностью оправдали... За первый я полностью отбыла наказание...

— Ладно, чего мы о грустном, тем более о таком грустном... Расскажите про ваш первый старт на Олимпиаде.

— Я знала главное: надо сразу плыть быстро! Надо было сразу показать время, потому что если бы я неплохо проплыла в первый раз, то я бы уже смогла соперникам показать, что я все-таки в строю, и поэтому я начала сразу на максимуме, и возможно, именно это было неправильно, потому что сразу началась паника у всех... Я уже даже ничего не помню. Помню только, что плыла изо всех сил. И знала только, что будет очень тяжело.

— Трибуны в финале реагировали на вас уже получше, чем в самом начале?

— Да, — кивнула Юлия, — это так. Но все кричали «бу-у-у» — когда они не хотят видеть человека... Я так улыбнулась: сейчас я вам покажу...

— А, так вы хотите сказать, что вам это пошло на пользу в конце концов?

— Да, мне всегда в таких случаях в конечном счете все равно, как люди себя ведут. Пусть покажут себя. А я себя.

— А почему вы не выиграли первый старт?

Тут она сразу засмеялась.
— Погодите, — предположил я. — Я понимаю, что и серебро — великое достижение... И что соперники могут быть просто сильнее. А главное — что вас не могла не ослабить вся эта история... Но тем не менее... Вы же могли выиграть. Нет?

— Каждый спортсмен, когда выходит на старт, не думает ни о чем, кроме золота. А в этой ситуации — тем более! Я хотела показать, что вот, я пришла, и меня ничто не сломало, и я — чистый спортсмен... Я очень хотела!.. Просто немножко не получилось... Но я не стала слабее!

— Почему?

— Потому что я Овен по гороскопу! У меня просто такой характер... И всегда так было... У спортсменов есть такое: кто-то кого-то перед стартом заденет, чтобы разозлить, а кто-то в кого-то даже плюнет, чтобы выбить... Но меня никогда это не выбивало, а, наоборот, давало новый тонус...

— Что, плюютос? — я узнавал о плавании все больше нового.

Жестокости до сих пор, я слышал, практиковались в основном в соревнованиях на открытой воде.

— В меня нет, но такие случаи были, — кивнула Юлия. — На разминке могут сильно поцарапать, и это неслучайно бывает... Хотя бывает и случайно... Но чаще такая случайность неслучайна...

— То есть все дело просто в том, что вы Овен. Не то что вас такую воспитали с детства в черном теле... А просто таким знаком вышли...

— Ну, детство у меня было веселое, — тут она, наоборот, посерьезнела.

— В каком смысле веселое?

— Я не говорю об этом!

Я думал, что, может, скажет:

— После этих двух побед можно и рассказать!

— Да нет, не стоит! Не давите на меня! — опять она смеялась. — Я потом как-нибудь соберусь, книжку напишу... Или вам расскажу, уговорили... Но потом, ладно?

— Ладно... И вот после первого старта вы стоите на пьедестале. И думаете, что серебро на Олимпиаде — это не то, чего вы хотели?

— Конечно, нет! В голове крутилось, что я должна быть довольна, что я вообще тут выступаю. Невозможно как хотелось. Но и этот результат был, если так уж говорить, неральным после того, что происходило. Ведь эти мои болезни только от нервов шли. Ведь я последние пять-шесть лет вообще не болела. А тут — гнойная ангина в Лос-Анджелесе... И потом все это постоянно возвращалось... И без болезней я бы по-другому вы-

ступила. И неважно, сколько бы я нервов потратила. Тренировками я бы сделала свое. А в такой ситуации...

— А сейчас, когда все кончилось, как вы себя чувствуете?

— Ох, когда я проплыла 200 метров, я такое облегчение почувствовала... А эстафета была с девочками уже, ты не одна в поле боя... И сейчас по-другому пресса стала реагировать... И американцы стали даже поддерживать... Я уж не говорю про Россию...

— А зачем вы грозили американке пальцем?

— Да вот, я не понимаю, почему так стали говорить. После стометровки это было... есть такой жест: когда приплываешь, выигрываешь — и вот такой жест показываешь: ты, значит, первая...

— Правда, вы же не первая были...

— Но хотела-то как!.. А потом начали высасывать они...

— Из этого пальца...

— Да!.. Хотя все так делают...

— Они — это журналисты?

— Да нет, это они... Я же на этих соревнованиях была как красная тряпка для быка, — Юлия Ефимова, видите, выбирала выражения. — Прямо все, что бы я ни сделала, что бы ни сказала, все они очень агрессивно воспринимали...

— Но американка же на самом деле отвернулась от вас на награждении...

— Да, и для меня это было очень странно, потому что после дистанции она же меня хлопала по спине, поздравляла... А потом, видимо, ей что-то сказали на этот счет, и на пьедестале она мне уже не пожала руку, хотя все же знают, что это Олимпийские игры, и что бы ты ни думал, это просто... ну... воспитанность человека... да и правила олимпийские... Не скажу, что меня это задело, правда... И потом на пресс-конференции они так агрессивно себя вели и все время отвечали по моему поводу одинаково, как будто их натренировали, что ли...

Ее это, конечно, задело.

— Вам без отца здесь было бы тяжело совсем, да?

— Это точно... Он везде со мной ходит, проводит меня до самого-самого предела, когда его куда-то уже не пускают... Обнимает, напутствует, целует, и все: в бой!

— До всей этой истории так же было?

— Так же, так же!.. — она опять смеялась своим каким-то, честно говоря, неземным смехом. Я не помню, чтобы кто-нибудь так смеялся.

— А в Олимпийской деревне вы теперь без него живете?

— Нет, он там же.

— Как вам там?

— Да, как обычно... Правда, телевизоров нет. Но они и не нужны, наверное. У меня была только проблема с подушкой, и все. Потом мне ее поменяли...

— Такая жесткая подушка?

— Нет, наборот, слишком мягкая, и у меня шея сразу заболела...

— Зачем вам подушка, если вы все равно почти не спите...

— Действительно!

— Интересно, что вы не уехали после ваших стартов. Обычно же не так.

— Да, у нас команда вся уехала. Но мы заранее очень просили, чтобы нас оставили, хочется сходить на закрытие Олимпиады, потому что на открытие, например, я тоже ни разу не попадала... Приезжаю обычно, и у меня дистанция на следующий день или через день, и ноги сбоятся, потому что мы устанем... И я давно хотела...

— Особенно теперь, пройти тут под российским флагом, как победители... Ведь уже ясно, что по крайней мере не проиграли...

— Да, из-за этого, — подтвердила она. — И на соревнования хочется походить. Да хоть Олимпийскую деревню посмотреть!

Она, безусловно, хотела максимально расслабиться. И, видимо, была не уверена, что сможет.

— И были где-то уже?

— Да, сегодня на заплыве по открытой воде...

— А, это же рядом... Оттуда и в наш отель приехали...

— Да, точно...

— Это же вид спорта потяжелее вашего...

— Чудовищный... Да просто плавать в открытой воде... Там же плавают кто-то... Под водой... Страшно...

Вот что у нее за фобии...

— И так они там дерутся, под водой! — воскликнула она.

— Но это еще не известно, что хуже: по-честному драться ногами и руками в открытой воде или так, как произошло с вами...

— Надеюсь, на Олимпиаде в Токио все это не повторится никак... Японцы, мне кажется, совсем другие... — она задумалась. — У нас японцами здесь были рядом массажные столы, и японцы ни разу мне ничего не рассказали, всегда здоровались и улыбались...

Вот чего ей теперь достаточно, чтобы полюбить человека: чтобы он просто здоровался с ней.

Тут ей хлеба принес ее агент — Андрей Митьков:

— Жуй, а то уже 40 минут ничего не несут...

— Да, а где мой суп? — спохватилась Юлия и активно взялась за хлеб.

— Воды? — предложил я.

— Вы знаете, — засмеялась она, — у меня после отношений с WADA на воду такая паника теперь... Даже если бутылка с водой стоит у меня дома, и стоит открытая, я ни за что не буду ее пить... Я беру новую закрытую бутылку. У меня какой-то нездоровый сдвиг! Я просто не беру нездоровые бутылки!.. Даже если лежат у меня в рюкзаке! Я пытаюсь найти новую бутылку! И постоянно

На выступления Юлии Ефимовой в Рио болельщики поначалу реагировали довольно резко. Сама спортсменка (на фото — с подругой по команде Вероникой Поповой), по ее словам, сумела отнестись к этому хладнокровно: «Пусть покажут себя. А я себя» ФОТО ДМИТРИЯ КОРЮТАЕВА

но проверяю, чтоб не вкололи ничего в эту бутылку! У меня такая паранойя началась! Да, довели девушку...

— Это только воды касается?

— Нет, всех напитков... Только с едой ничего не поделаешь. Единственное же: если ты среди спортсменов ешь, ты ни у кого ничего не берешь и ни в коем случае ничего никому не даешь! Потому что могут подставить как нечего делать! Дашь ему шоколадку, а он потом скажет, что у него после этого допинг обнаружили... И ты же будешь виновата...

— А что же вы кайпириньо пьете тогда? — обратил я внимание.

Стакан ее был скорее наполовину пуст, чем наполовину полон. И это был с ее стороны верх неосторожности. Напиток был в конце концов доверху льдом набит.

— Ну да, но это же в конце концов в ресторане, где меня никто не знает...

— Вы уверены?

Нет, после этих слов она уже не была уверена.

— Скажите, — спросил я, — то, что с вами случилось, это что значит? Лично вас пытались выбить с Олимпиады? Или дело в том, что вы гражданка России? Или это, например, борьба с допингом? Последнее вы вообще исключаете?

— То, что я гражданка России, сыграло роль... — она долго думала, прежде чем ответить. — Это тем более обидно, что последние пять лет я живу в Америке. Безвыездно!

— Так, может, и не стоило жить в Америке?

— Ну знаете, это то, что помогло попасть на Олимпиаду! Все мои пробы были сданы в Америке. Меня тестировала USADA, какая-то новая независимая комиссия... А многих спортсменов не допускали, потому что у них было много несданных проб за границей! Ну это как? То есть если ты живешь в России, это твоя вина? Как такое может быть?! И на суде в CAS знаете что говорили против меня, когда спрашивали, почему меня нельзя восстанавливать? «Потому что она русская». Вот прямо такими словами! И все! А как паралимпийцев не пускают? Это просто бесчеловечно... Они просто не понимают, какая в России жизнь... Очень тяжелая... А тем более для инвалидов... Для них это единственный шанс выбиться в люди... В Тюмени был

мальчик без рук, Игорь его звали, и говорил, что, если бы не спорт, он бы спился или покончил с собой... Потому что никому не нужен был бы... А теперь он живет! А они берут и так делают... Они что, думают, что во всей стране паралимпийцы стали принимать допинг, подменяли пробы?... Это звучит даже смешно. Просто на страну давят!

— Вам, я вижу, кайпириньо нравится? — я заметил, что стакан-то почти опустел.

— Первый раз пью. И неплохо! Лимонный такой...

— Не резковат?

Тут соседний стол горячи вошел в обсуждение.

— Это ж на основе чачи сделано!

— Чачи? — глаза Юлии сделались больше, а уж они и так выдающиеся.

Она испугалась. Чача не входила в ее планы. Она и так действительно расслабилась, и то, что она пила кайпириньо со льдом, сделанным неизвестно из какой воды, говорило о том, что ее наконец-то отпустило после всех месяцев. И теперь она, по моему, жалела, что ее отпустило.

— Кашаса, а не чача, — успокоил ее отец. — Местная водка такая. Из сахарного тростника.

Она почему-то успокоилась.

— А вы знаете, что ей Юнна Мориц стихотворение посвятила? — спросил меня Юлиин отец.

Для него это, безусловно, много значило. Для нее, по моему, не так много.

Мне передала телефон со стихотворением. Оно оказалось очень длинным. «И за окнами допинг божественной зелени... Дед допингом солнца пропитана живопись ярко...» — прочитал я.

— Юнна Мориц... — сказал отец. — Ей столько лет, наверное... Такую жизнь прожила... Она Юлю ведь даже не знает! Там вообще не на слова внимание надо обращать. Там надо по эмоциям пройти...

— Слова тоже имеют у нее значение... — добавил еще кто-то.

Тут ей наконец картофельный суп принесли. Был он подозрительно зеленого цвета.

— Не очень похоже на суп... — задумчиво произнесла она. — Сладкий. Я даже не пойму, из чего это. Картошка? Не похоже... А соль есть?

Бразилец вдруг благодарно кивнул и пошел за солью. Понял русскую речь как никто другой.

— А может, не стоит возвращаться в Америку после всего этого? — спросил я ее.

— Там все-таки очень хорошие бассейны... — она опять задумалась. — Тренеры... Спарринг-партнеры... А в Таганроге я тренировалась, так бабушка приходит в бассейн, встает на дорожку — и все, мне там делать больше нечего! И ей все равно! Я, говорит, заплатила деньги! А то, что я там пытаюсь тренироваться и плаваю по этой дорожке последние полчаса, не имеет уже значения!

Я хоть начинал понимать, почему она переехала в Америку.

— Но не только из-за этого, — она правильно поняла мой взгляд. — У меня были тяжелые отношения с тренером и невыносимые тренировки. Я почти весь день только тренировалась, и тренер почти ничего не разрешал... Есть почти ничего нельзя, спать то можно, то нет... То почему ты не гуляешь, то почему ты гуляешь... Съешь яблоко — отработай его... Много-много всего... Я уже не хотела плавать... Мне были противны тренировки... Я сходила с ума... У меня было отвращение к плаванию. Я в 16 лет хотела бросить, перед первой Олимпиадой... Папа уговорил погодить. И тут пригласили в Америку тренироваться. А мы знаем, что там самые лучшие пловцы... И я уехала... А там начала скучать по дому, по друзьям... и оттуда чуть не уехала... Нет, не будя есть этот суп...

Я после Олимпиады в Лондоне продала все вещи, потому что думала, что не буду возвращаться в Америку. Но не уехала. Тренер все-таки очень хороший...

— Скучаете, наверное, все, надеюсь, по дому?..

— Конечно!.. В Америке даже костер просто так не разведешь... На шашлыки так просто не поедешь... Тебя сразу арестуют!..

— Вы не думаете, что вот вернетесь сейчас в Америку — и что-то в этом роде повторится: из того, что уже случилось?

— Я не думаю... Я думаю, люди что-то усвоили.

— Что?

— Хоть что-то!

Андрей Колесников,
Рио-де-Жанейро

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

ЕФИМОВА ЮЛИЯ АНДРЕЕВНА

Родилась 3 апреля 1992 года в Грозном. В 2015 году окончила Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Специализируется на плавании бассейном. С 2006 года — в составе юниорской сборной России по плаванию, в 2007 году вошла в основную сборную. В 2008 году на Олимпиаде в Пекине заняла четвертое место на дистанции 100 м и пятое — на 200 м. В 2009 году

на чемпионате мира в Риме впервые завоевала медаль, победы на дистанции 50 м и став второй на 100 м. В 2012-м завоевала бронзу на Олимпиаде в Лондоне (200 м). В 2016 году в Рио-де-Жанейро завоевала две серебряные медали — в плавании на 100 м и 200 м.

В 2014 году была дисквалифицирована на полтора года за употребление гормона дегидроэпиандростерона. В 2016 году была временно отстранена

от соревнований после положительной допинг-пробы на мeldonium. Многократная чемпионка и рекордсменка России, рекордсменка Европы, трехкратная чемпионка Европы (2008, 2010), четырехкратная чемпионка мира (2009, 2013, 2015).

Награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Заслуженный мастер спорта. Живет и тренируется в США, тренер — Дэвид Сало.